

Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 67—83.

Woman in Russian Society. 2025. No. 2. P. 67—83.

Научная статья

УДК 94(470.67)''1920/40''-055.2

EDN: <https://elibrary.ru/qtoram>

DOI: 10.21064/WinRS.2025.2.5

**КАК ПОНИМАЛОСЬ ОСВОБОЖДЕНИЕ ГОРЯНКИ
ОРГАНАМИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ ДАГЕСТАНА
В 1920—1930-х гг.**

Оксана Саидовна Мутиева, Нина Нурмагомедовна Гарунова

Дагестанский государственный университет,
г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru

Аннотация. В статье с привлечением материалов Российского государственного архива социально-политической истории, Центрального государственного архива Республики Дагестан рассмотрены проблемы, связанные с решением женского вопроса в Дагестане в 20—30-х гг. XX в. Проанализированы декреты советской власти, директивы, постановления Дагестанского ЦИК и СНК, обкома ВКП(б), циркуляры НКВД, отчеты женотделов, решения всedaгестанских съездов Советов. Анализ документов показал, что деятельность государственных и партийных органов республики была направлена на обеспечение равноправия и «раскрепощения» женщин-горянок, велась целенаправленная борьба с архаичными адатами и шариатскими традициями, разрушались гендерные границы. Социально-политическая обстановка, высокий уровень религиозности общества, патриархальные устои семьи и пропаганда антисоветских настроений негативно сказывались на результатах проводимой работы. Сделаны выводы о том, что решение женского вопроса в республике большевиками не было проработано теоретически, на практике проводимая работа по эмансипации женского населения сводилась к унификации форм и методов, нивелировались национальная специфичность, традиции и обычаи народа. Вопреки постановлениям партийных органов, адатно-шариатские традиции продолжали существовать, переходя в латентные формы. Перестройка сознания не только членов семьи и общества, но и самой женщины-горянки происходила в сложных условиях.

Ключевые слова: советская власть, Дагестан, партийные органы, декрет, женская эмансипация, «раскрепощение» горянки, женский вопрос, калым, многоженство, семейно-брачные отношения, религия

Для цитирования: Мутиева О. С., Гарунова Н. Н. Как понималось освобождение горянки органами советской власти Дагестана в 1920—1930-х гг. // Женщина в российском обществе. 2025. № 2. С. 67—83.

Original article

HOW DID THE SOVIET AUTHORITIES OF DAGESTAN UNDERSTAND THE LIBERATION OF MOUNTAIN WOMEN IN THE 1920s—1930s?

Oksana S. Mutieva, Nina N. Garunova

Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan,
Russian Federation, mutiewa.oksana@yandex.ru

Abstract. The article, using archival materials from the Russian State Archive of Social and Political History, the Central State Archive of the Republic of Dagestan, examines issues related to the solution of the women's question in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic in the 20s—30s of the 20th century. Decrees of the Soviet government, directives, resolutions of the Dagestan Central Executive Committee and Council of People's Commissars, the regional committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks, NKVD circulars, reports of women's departments, and decisions of the All-Dagestan Congresses of Soviets are analyzed. An analysis of the documents showed that the activities of state and party bodies of the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic were aimed at ensuring equality and "emancipation" of mountain women, a targeted fight was waged against archaic adats and Sharia traditions, and gender boundaries were removed. The socio-political situation, the high level of religiosity in society, the patriarchal foundations of the family and the propaganda of anti-Soviet sentiments had a negative impact on the results of the work carried out. The authors concluded that the solution to the women's issue in the Dagestan Autonomous Soviet Socialist Republic was not worked out theoretically by the Bolsheviks; in practice, the work carried out on the emancipation of the female population was reduced to the unification of forms and methods, and national specificity, traditions and customs of the people were leveled. Contrary to the decrees of the party organs, adat-sharia traditions continued to exist, passing into latent forms. In difficult conditions, a restructuring of consciousness took place not only among family members and society, but also among the mountain women themselves.

Key words: Soviet authorities, Dagestan, party organs, decree, women's emancipation, "emancipation" of mountain women, the woman question, kalym, polygamy, family and marriage relationships, religion

For citation: Mutieva, O. S., Garunova, N. N. (2025) Kak ponimalos' osvobozhdenie gorianki organami sovetskoï vlasti Dagestana v 1920—1930-kh gg. [How did the Soviet authorities of Dagestan understand the liberation of mountain women in the 1920s—1930s?], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 2, pp. 67—83.

Введение

Тема освобождения женщины Востока остается дискуссионной и не теряет своей значимости по настоящее время. Особенно актуальной данная тема представляется в свете противоречивых тенденций, которые имеют место в наши дни в регионах с мусульманским населением. Возрождаются предрассудки о вреде женского образования, среди молодого поколения нормой становится практика многоженства, ранние браки. 100 лет назад советская власть декларировала

гендерное равноправие, сегодня же под давлением религиозных предписаний женщины-горянки подавляют в себе светскость.

В 20—30-х гг. XX в. складывалась советская модель женской эмансипации, согласно ей, идейно-классовая цель государства заключалась в формировании новой, советской женщины. Стратегия большевиков в данном направлении была нацелена на перестройку общественного сознания, поскольку от этого зависела степень эмансипации женщин.

Сегодня невозможно констатировать факт наличия конкретных авторов, которые первыми после Гражданской войны начали писать о необходимости решения на Кавказе женского вопроса. Вместе с тем следует отметить, что ряд известных женщин неоднократно обращались к данной теме. Например, И. Ф. Арманд писала о том, что необходимо внедрить новые методы и формы советской и партийной работы для того, чтобы не просто раскрепостить, или освободить, женщину, но добиться ее активного участия в общественной жизни. Женщина-министр А. М. Коллонтай обосновала важность проведения преобразований в обществе, которые помогли бы женщине выполнять функции, возложенные на нее новым государством. В работах Н. К. Крупской рассматривались проблемы деятельности большевистской партии по разрешению женского вопроса. Для региональных женских организаторов и партийных работников данные публикации служили руководством к действию.

В советской историографии проводимая большевиками политика оценивается с разных позиций. В трудах советских ученых главным был подход, основанный на положении, что «раскрепощение» женщины-горянки — это одно из завоеваний революции, советская власть освободила женщин от вековых адатно-шариатских устоев, которые угнетали женщину, ущемляя ее права [Гаджиева, Мелешко, 1960; Гасанова, 1963; Кафаров, 1970; Вагабов, 1973; Смирнова, 1983]. В изданном в 1979 г. сборнике материалов и документов «Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917—1936 гг.)» авторы старались раскрыть ведущую роль КПСС и государства в деле защиты прав женщин, размышляли об активном вовлечении женщин в политическую, общественную, производственную жизнь; все события, связанные с женской эмансипацией, рассматривались исключительно в положительном ключе [Великий Октябрь..., 1979].

В постсоветский период историки пересмотрели прежние выводы о «титанических усилиях» правительства и выдающихся партийных деятелей Дагестана для «снятия вековых оков» с горянок в годы социализма. Впервые исследователи заметили особый по сложности период 1920—1930-х гг., по-иному стали пониматься и «раскрепощение» горянки, и сами события политической жизни в Дагестане, та роль, которую играли в них женщины. Как бы ни осуждалась сейчас прежняя риторика партийных чиновников, которые отчитывались об успехах «раскрепощения» женщин, авторы не могут не признать: именно в предвоенные десятилетия у дагестанок появилась возможность не следовать предначертанным им традицией жизненным путем, но выбирать свой, самостоятельно. Те самые 1920—1930-е гг. были временем «претворения в жизнь нового законодательства, призванного вытеснить нормы шариата и адата нормами советского права» [Смирнова, 1983: 122].

Ряд современных авторов справедливо полагают, что советское государство стремилось выработать новый формат семейной и гендерной политики, законы, направленные на улучшение правового положения женщин, обеспечение их равноправия, освобождение от «семейного рабства» [Мицюк и др., 2024: 77—78]. Создание новых отношений в обществе шло параллельно с процессами вовлечения женщин в политическую жизнь и общественное производство, процессами регулирования семейных отношений государством [Пушкарева, 2012: 8].

Членами исследовательской группы Института истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН был опубликован ряд фундаментальных монографий и научных статей, в которых рассмотрены особенности экономического, социального, политического и правового развития Дагестана, исторически повлиявшие на положение женщины и обусловившие невозможность вписать ее в стереотип традиционной восточной женщины [Каймаразова, 2022; Мирзабеков, 2022; Гаджиева, Лысенко, 2024].

Советскую модель эмансипации женщин некоторые авторы (особенно западные) понимают как проявление маскулинности, женщины перенимали мужскую модель поведения, руководствуясь законами советской власти [Пушкарева, 1999; Каймаразова, 2022]. По мнению современных исследователей, ломка гендерных стереотипов была заложена задолго до революционных событий 1917 г. и мероприятий большевиков, существенные изменения в правовом положении женщин стали происходить в период социальных реформ во второй половине XIX в. [Мутиева, 2024].

20-е гг. XX в. — это время наступления на традиции населения Кавказа, оно было настолько революционным, что в истории региона нельзя найти примера подобного давления на традиционную культуру горцев. Методы советской власти по «перевоспитанию» женщины-горянки исследователи оценивают как травмирующие для женского сознания, которое не было готово воспринимать такие радикальные изменения [Анчабадзе, 2011: 66].

Процесс эмансипации не был проработан теоретически, отличался своей противоречивостью, применяемые методы нивелировали национальную специфику [Текуева, 2015]. В указанный период присутствовали идеи о формировании нового человека, которого создавала советская культура, поэтому большевики стали вторгаться в те традиции, которые не соответствовали их идеалу. По мнению исследовательницы М. А. Текуевой, чего стоила только одна известная кампания «Пальто горянке», которая с 1927 г. проходила по всей территории Северного Кавказа. Используя идеологию, ее последователи стали активно бороться с пережитками прошлого, но «эта форма не находила должного признания среди населения» [Текуева и др., 2022: 132].

Обкомы партии инициировали данную кампанию с целью вовлечения горянок в политическую жизнь и общественное производство, для чего была проведена большая разъяснительная работа. У женщин не было верхней одежды, только шали, и для усиления активности и выхода из дома в холода в регион завезли тысячи одинаковых, сшитых из плохой ткани пальто. Следует отметить, что консервативная часть населения, и особенно духовенство, выступала с критикой не только нарушения обычая, но и действий советской власти и тех методов, которые она использовала. Изменение стиля женской одежды шло достаточно

медленно, а навязчивые кампании, связанные с требованием переодеть женщину, были восприняты как насаждение чужой культуры, поскольку мировоззрение горянок не могло измениться очень быстро [Кумыкова, 2013: 4].

В Дагестане кампания «Пальто горянке» прошла под лозунгом «Долой чохто», который не уступал по популярности другим агитационным лозунгам большевиков. В этой кампании более активно и организованно принимали участие школьницы открываемых советских школ [Гаджалова, Магомедов, 2020].

В документах Чеченского облисполкома, в протоколе заседания комиссии по улучшению труда и быта горянок от 27 ноября 1927 г., указано: «Кампания проходит успешно, “Крайсоюз” отпустил для Чечни 950 пальто для женщин и материал для заготовки пальто девочкам» [Великий Октябрь... , 1979: 200].

По прошествии времени рекламное и информационное сопровождение данной кампании постепенно перестало ассоциироваться с проведенными в рамках ее мероприятиями и начало транслировать горцам разрушительные смыслы.

Цель данного исследования — через анализ официальных документов, нормативно-правовых актов советских и партийных органов республики выявить специфику проводимых мероприятий по «раскрепощению» женщины-горянки и их результативность, показать недочеты и ошибки, формы работы с женщинами.

Источниковой основой исследования выступили официальные документы, постановления, декреты центральных, краевых и республиканских государственных и партийных органов, отражающие политику власти в отношении женщин.

При анализе материалов и документов были использованы сравнительно-исторический и проблемно-аналитический методы, которые позволили выявить формы и методы деятельности советской власти, связанной с «раскрепощением» женщин.

Вовлечение женщин в общественно-политическую жизнь

Первостепенная задача советской власти заключалась в ликвидации неграмотности населения. 26 декабря 1919 г. СНК РСФСР обнародовал декрет «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР», на реализацию которого были мобилизованы все силы интеллигенции. Образование должно было стать ступенью для вовлечения женщин в общественно-политическую жизнь.

Особенно остро проблема с образованием стояла в национальных республиках, процент грамотных женщин был мизерным. В Дагестане доля грамотного женского населения составляла всего 2 %, процент образованных мужчин был чуть выше. В 1920 г. отдел просвещения отчитался перед Дагестанским революционным комитетом, в отчете отмечался низкий уровень грамотности среди взрослого населения [ЦГА РД, ф. 4-р, оп. 2, д. 13, л. 6].

Для борьбы с массовой безграмотностью уже в 1920 г. в городах и селах Дагестанской области открываются школы грамотности — ликпункты. Школы грамоты функционировали в Темир-Хан-Шуре, Порт-Петровске, Дербенте. К 1925 г. по всей республике действовали 229 ликпунктов [Каймарзов, 2007: 126—128].

Понимая важность образования, Дагестанский ревком 26 октября 1921 г. обнародовал декрет «О создании Дагестанской чрезвычайной комиссии по ликвидации неграмотности» при Главполитпросвете. Согласно декрету, главной целью создания чрезвычайной комиссии была «срочная ликвидация неграмотности среди взрослого населения страны и юношества в возрасте от 15 до 50 лет» [ЦГА РД, ф. 4-р, оп. 3, д. 13, л. 8].

Задачи, стоящие перед комиссией, были нелегкие. Население не владело русским языком, не было национальной письменности, обучение велось с использованием арабского письма, только в 1928 г. была создана письменность на основе латиницы. Кроме того, не хватало учителей, владеющих русским языком. Все эти факторы отрицательно сказывались на процессе ликвидации неграмотности, который проходил медленно и в очень сложных условиях.

Чтобы ускорить данный процесс, в июне 1924 г. на расширенном пленуме Дагобкома РКП(б) было принято решение об организации общества «Долой неграмотность». На пленуме отмечалась нехватка учительских кадров, плохое обеспечение книгами и необходимость открытия новых пунктов по ликвидации неграмотности [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 21, д. 168, л. 34—35].

Особенно тяжело шел процесс ликвидации неграмотности среди женщин-горянок. Патриархальные устои, консерватизм общества и семьи были главными препятствиями на пути к образованию женщин, что отмечалось в протоколе заседания ЦИК и СНК ДАССР [ЦГА РД, ф. 566-р, оп. 3, д. 4, л. 18].

В июне 1925 г. проходил IV съезд дагестанских женщин, где с докладом «О просвещении горянок» выступил нарком просвещения республики Алибек Алибекович Тахо-Годи. Обращаясь к делегатам съезда, он сказал: «...никогого, в сущности, просвещения горянки нет, вопрос о просвещении в аульской обстановке стоит так: зачем просвещение, если вместе с ним женщина станет развратной» [ЦГА РД, ф. 2, оп. 2, д. 128, л. 171]. Заметим, что А. А. Тахо-Годи, занимая пост наркома просвещения ДАССР с 1922 по 1929 г., не только отвечал за решение вопросов образования, но и курировал весь процесс культурного строительства в республике. Самое пристальное внимание он уделял проблеме образования и просвещения женщин-горянок.

Несмотря на все усилия органов власти, было сложно преодолеть патриархальные предрассудки, единицы девочек посещали школы в сельской местности. На объединенном заседании бюро обкома и фракций ЦИК и СНК 21 сентября 1925 г. выступил А. А. Тахо-Годи и указал окружным партийным руководителям, что необходимо активнее вовлекать в учебный процесс девочек [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 615, л. 40—45]. Однако работа проводилась формально. Стояла задача переломить сложившуюся ситуацию с состоянием образования девочек в сельских школах. Извлеченные и введенные нами в научный оборот документы ряда архивохранилищ страны показали, что в 1924/25 учебном году в нагорных округах Дагестана девочки практически не посещали школы, а в горных Андийском и Аварском округах они вообще не обучались [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 20, д. 136, л. 257].

Выступая с докладом на очередном бюро обкома в апреле 1927 г., А. А. Тахо-Годи повторно указывал на недоработки партийных органов по охвату девочек-горянок системой светского образования [ЦГА РД, ф. 4-п, оп. 10,

д. 7]. В то время как в отчетах органов власти имелаась положительная динамика в уровне образования, к началу 1925 г. в школах 1-й ступени, расположенных в городах, обучалось 4656 девочек, а в школах 2-й ступени, расположенных в селах, — 401 девочка [там же, л. 258]. Сильным было влияние духовенства на семью и общество, устойчивыми оставались предубеждения относительно женского образования. В архивном документе имеются сведения, что группа состоятельных жителей села Шими Курахского района проводила агитацию среди населения против открытия ликпунктов для женщин, распуская слухи, что женщины там занимаются развратом, а им потакают советские власти [ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 44, л. 89]. Кроме того, до 1926 г., согласно постановлениям ВЦИК от 9 и 28 июня 1924 г., преподавание вероучения допускалось в мечетях «ввиду культурной отсталости мусульман», посещаемость была высокой, там же шла агитация против ликпунктов [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 17, д. 725, л. 62].

Для того чтобы контролировать деятельность мечетских школ, дагестанский нарком просвещения по согласованию с НКВД республики 26 октября 1926 г. издал специальную инструкцию «К положению о порядке преподавания мусульманского вероучения», где определил нормы по открытию и содержанию мечетских школ [там же]. Согласно положению, преподавание вероучения в советских школах не допускалось, посещение мечетей разрешалось только лицам, достигшим 12 лет [там же]. Обязательной была регистрация мечетских школ в органах окружного отдела народного образования, в противном случае наступала уголовная ответственность [там же].

Заметим, что даже в годы активной антирелигиозной работы партийных органов в обществе сохранялся высокий уровень религиозности, в том числе и среди женского населения. В отчетном докладе Дагестанского отдела ОГПУ за 1932—1933 гг. отмечалось, что женщины аварского селения Кахиб совершали коллективные религиозные обряды, несмотря на репрессии против духовенства [ЦГА РД, ф. р-800, оп. 2, д. 49, л. 112].

В 30-х гг. процессом обучения было охвачено уже более 16 % женского населения республики. Партийные органы в своих отчетах отмечали положительную динамику. Так, в постановлении Президиума ЦИК ДАССР «По итогам ликвидации неграмотности среди населения» от 12 июня 1930 г. имеются сведения о 100 тыс. женщин, которые прошли обучение в ликпунктах [ЦГА РД, ф. 37-р, оп. 20, д. 136, л. 254—257].

Несмотря на обучение, большинство женщин в сельской местности оставались малограмотными, учение им давалось с трудом. В обществе очень сложно происходило переосмысление патриархально-шариатских взглядов на образование женщин. Так, в 1925 г. после установления советской власти в доме жителя селения Меgeb Гунибского округа Муртазали Магомедова был открыт пункт по ликвидации неграмотности, посещали его несколько человек, в том числе три женщины. Обучением русскому языку занимался Абдула Махаров, которого в селе называли Урус-Абдула, т. е. русский¹.

Изучение документов из ряда архивохранилищ показало, что органы советской власти в работе по ликвидации неграмотности среди женского населения

¹ Полевой материал О. С. Мутиевой, апрель 2023 г., информатор З. Махарова, 1939 г. р., с. Меgeb, Гунибский р-н.

руководствовались классовым подходом. Очевидно, что в условиях политической ситуации 20—30-х гг. XX в. главным было выполнение директив советской власти, поэтому ее республиканские органы завышали отчетные данные, они отличались от реальных цифр.

Особое место в политике освобождения женщины занимали вопросы, связанные с вовлечением женщин в различные формы активности (женские клубы, сакли горянок, съезды, конференции). Первые женские клубы были открыты в 1925 г. по инициативе женотделов в Махачкале и Дербенте. При областном клубе горянок Махачкалы функционировали ликпункт, библиотека, интернат для девочек-горянок, швейная и ковровая артели, а также курсы по подготовке работниц женотделов. В Дербенте с 1925 г. функционировали два женских клуба: один из них объединял турчанок, другой — горянок. Клубом горянок руководила Сусанна Богданова, по инициативе которой при клубе стали работать ликпункт, библиотека, детский сад. По инициативе учительницы Анны Сафаровой были организованы кружки кройки, шитья и вязания, кружок по математике вела Ася Табасаранская, а по азербайджанскому языку — Айшат Алибекова [Женское светское образование... , 2021].

С 1927 г. деятельность женских клубов и саклей горянок осуществлялась в рамках постановления ЦК ВКП(б) от 14 января 1927 г. «О задачах женских клубов на Советском Востоке». Главную задачу государство видело «в улучшении качества клубной работы», поскольку бытовые традиции еще не давали «возможности женщине участвовать в общей работе — посещать школы, избы-читальни» [ГА РФ, ф. 6983, оп. 1, д. 37, л. 18].

Учитывая специфику Дагестана, менталитет дагестанского общества, можно согласиться с мнением, что сакли горянок «больше, чем другие культурно-просветительские учреждения, способствовали развитию активности женщин» [Гаджиева, 1967: 41]. В 1927 г. в республике уже функционировали 14 саклей горянок. Под контролем окружных женотделов девушки в саклях горянок получали трудовые навыки кройки, шитья, параллельно шло обучение и просветительно-агитационная работа [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 1015, л. 4].

Стоит подчеркнуть, что женщины не имели права свободно пойти в клуб или в саклю горянок. Такую возможность им могли предоставить только мужчины семьи, отец или муж. Единицы женщин осмеливались нарушить установленный порядок и посетить культурно-просветительское учреждение. Так, в селении Мегеб Гунибского округа как таковой сакли горянок не было, и женским просвещением занимались при сельской школе. В 1934 г. этой работой были охвачены всего три женщины, одна из них замужняя, муж у нее был член партии и не препятствовал ей, две другие были взрослые незамужние девушки лет 30. Русская женщина по имени Нюра учила их грамоте и вышиванию².

Клубная деятельность вызывала неприятие у общества и семьи и воспринималась в основном как вредное нововведение. Иногда необдуманные решения советских органов власти могли оттолкнуть женщин-горянок от клубной деятельности. Так, в селе Алтуд Кабардино-Балкарской области на собрании активистки решили разрушить стены мечети, поскольку не хватало материала на строительство клуба горянок. Но утром разобранные стены мечети оказались

² Там же.

восстановленными, это могли сделать сами женщины. Не строительство клуба вызвало у женщин протест, а разрушение храма [Текуева: 2015: 151].

В 1920 г. в ЦК РКП(б) началась работа по организации I Всероссийского съезда женщин Востока. Для подготовки съезда в 1921 г. при всех центральных комитетах партии республик и областей были созданы организационные бюро. Одним из них было Кавказское бюро, которое совместно с женотделами проводило большую организационную работу. Хорошо понимая, какое значение имеет работа с женским населением, секретариат Кавказского бюро ЦК РКП(б) на протяжении 1921 г. вел переписку с ЦК РКП(б) и центральными комитетами коммунистической партии республик Закавказья о созыве краевого партийного совещания и об открытии I съезда женщин Востока [РГАСПИ, ф. 64, оп. 1, д. 39, л. 6]. Сотрудники и руководство Кавказского бюро ЦК РКП(б) вели активную переписку с центральными комитетами Азербайджана, Грузии, Армении, с Международным женским секретариатом Коминтерна [там же, д. 76, л. 4].

Съезд женщин Востока так и не был проведен в силу объективных причин: страна находилась в разлуке, не было денежных средств на финансирование столь значимого мероприятия. Несмотря на это, повсеместно продолжалась работа по вовлечению женщин в различные формы общественной деятельности. Так, в период с 1921 по 1925 г. в Дагестане были проведены четыре съезда женщин-горянок, которые, безусловно, способствовали росту их общественно-политической активности. Помимо женских съездов, проводились конференции, в работе которых принимали участие беспартийные женщины. По архивным данным, число участниц конференций росло с каждым годом, в 1921 г. в конференции приняли участие 75 делегатов, в 1924 г. почти 369, а в 1925 г. уже 531 [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 980, л. 62].

Важную роль в работе с женщинами партийные органы отводили женотделам. 21 декабря 1921 г. вышло постановление Кавказского бюро ЦК РКП(б) об основных задачах женотделов по работе среди женщин восточных народностей. В документе говорилось о важности новых форм и методов работы женотделов с кавказскими женщинами, которые должны соотноситься с менталитетом и местными традициями. Отмечалась важность вовлечения в женотделы активных сознательных женщин, наличия подготовленных кадров [Великий Октябрь..., 1979: 205].

В Дагестане первые женотделы были созданы в 1920 г. при городских и окружных комитетах РКП(б) [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 707, л. 34]. На женотделы возлагалась и агитационная работа среди женщин. По архивным данным, к 1924 г. этой работой в общей сложности было охвачено 12 аулов [Гаджиева, Мелешко, 1960: 29].

Процесс вовлечения женщин-горянок в женотделы в сельской местности был сопряжен с большими трудностями, сказывались патриархальные и культурные традиции. Так, заведующая окружным женотделом селения Кази-Кумух в своем отчете отмечала, что в состав женщин-активисток входили исключительно старушки в возрасте 60—70 лет, молодых женщин не было вообще [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 256, л. 19]. Заведующая окружным женотделом Карчагской долины писала в своем отчете, что в селении Зизик не удалось организовать

женщин для участия в собрании, их запугивали, что могут «куда-то записать» [там же, д. 515, л. 135].

Партийными органами на женотделы возлагалась и задача по проведению среди женщин агитационной работы, направленной против религиозных и патриархальных норм. В отчете заведующей женотделом Дагестанского обкома РКП(б) за 1920 г. отмечалась важность агитационной работы, проводимой с женщинами-горянками на местах [ЦПА ИМЛ, ф. 64, оп. 2, д. 63, л. 59—61]. Так, женотдел в селении Кази-Кумух, открывая для женщин швейные и вязальные мастерские, проводил среди них подготовительную агитационную работу, а в г. Петровске женсовет организовывал среди работниц фабрик и учреждений партийные ячейки, выбирал делегатов на съезды [там же, л. 60].

В 1923 г. женотделы по всей стране были переименованы в отделы по работе среди работниц и крестьянок, но суть их оставалась прежней — вовлечение женщин в общественно полезный труд, формирование нового мировоззрения.

Женотделы тесно работали с делегатскими собраниями, которые подчинялись отделу по работе с женщинами при ЦК, оказывая помощь партийным органам. В Дагестане делегатские собрания стали созывать с 1921 г., на этих собраниях присутствовали делегатки со всех округов [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 703, л. 29], каждый год проходило около ста собраний (большая их часть — с середины 20-х гг.), а число делегатов было более 4 тыс. [там же, д. 4033, л. 2].

Краевые и республиканские власти рапортовали о значительных успехах в деле вовлечения женщин-горянок в общественно-политическую жизнь. В резолюции III Северо-Кавказского краевого съезда горянок и нацменок «О вовлечении женщин в общественную деятельность» отмечалось, что работа женских кружков, клубов, конференций оправдала себя [ГА РФ, ф. 6983, оп. 1, д. 16, л. 13].

Руководствуясь постановлениями ЦИК СССР от 1925 г. о недостаточной работе партийных органов национальных республик с бытовыми и религиозными предрассудками, которые мешают раскрепощению женщин, Дагестанский ЦИК издает постановление «О правовых нормах женщины-горянки», которое провозглашает равноправие мужчин и женщин во всех сферах жизни.

Несмотря на все постановления и проводимую антирелигиозную кампанию, и в последующие десятилетия отмечалась недостаточная и непродуманная работа по борьбе с вредными пережитками религии и атеистическому воспитанию населения, что нашло отражение в протоколах заседаний бюро Дагестанского обкома ВКП(б) [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 7180, л. 18].

Общественная активность женщин не приветствовалась их семьями, мужья запрещали женам участвовать в мероприятиях, часто прибегали к физическому и моральному давлению. Нередко такие же методы применяли мужья-коммунисты. Например, в архивных материалах имеется дело о фактах издевательства секретаря первичной организации колхоза им. Кирова Бейбулата Салихова над своей женой женорганизатором райкома ВКП(б) Джарият Магомедовой [там же, л. 81]. Представляет интерес то, как повели себя партийные органы, как они отреагировали на недостойное поведение партийного руководителя. Бюро Казбековского райкома ВКП(б), обсудив поведение секретаря парткома колхоза, вынесло ему строгий выговор с предупреждением,

он был снят с должности секретаря парторганизации колхоза, но через несколько дней по ходатайству секретаря райкома ВКП(б) рекомендован на должность председателя Казбековского райпо по заготовкам [там же]. Это дело было вынесено на рассмотрение заседания бюро Дагестанского обкома ВКП(б), решение Казбековского райкома ВКП(б) было отменено как либеральное, принято решение об исключении Б. Салихова из рядов партии [там же, л. 82]. Кроме того, бюро обкома ВКП(б) поручило прокурору привлечь Б. Салихова к судебной ответственности за систематическое издевательство над товарищем Д. Магомедовой, женорганизатором, членом райкома ВКП(б) и депутатом райсовета трудящихся [там же]. Бюро обкома ВКП(б) отметило также бездействие партийных работников Казбековского райкома партии, которые прикрывали факты издеательства со стороны мужа и препятствия участию его жены в общественной работе [там же, л. 81].

Нередко общественная активность женщин могла им стоить жизни. Так, в 1932 г. в Левашинском районе были убиты мужьями три женщины-активистки. Заметим, что в глазах общественности причиной убийства была ревность, а не общественная деятельность [Гасанова, 1963: 118].

Анализ правовых документов показывает, что государственными и партийными органами советской власти проделана значительная работа по вовлечению женщин в общественно-политическую жизнь республики. Эта работа была сопряжена с большими сложностями. Препятствием на ее пути выступали традиционные и религиозные нормы, сохранявшиеся в обществе, а также консерватизм мужей. Вопреки партийным установкам о равенстве мужчин и женщин, кавказский мужчина не был готов принять общественную активность женщины.

Политика советской власти в сфере семейно-брачных отношений

С первых дней установления советской власти большое внимание уделялось институту семьи и брака. В декабре 1917 г. были приняты два важных документа — декрет СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния» и декрет «О расторжении брака».

В Дагестане местные органы власти стали проводить целенаправленную работу по искоренению архаичных адатов и религиозных обычаев в сфере семейно-брачных отношений. Издаются законы, направленные на защиту прав женщин в семейном быту, на борьбу против адатных и шариатских пережитков. В 1920 г. Дагестанский революционный комитет принимает постановление «О борьбе с похищениями девушек-горянок и вступлением с ними в брак против их воли».

В 1926 г. издается постановление Дагестанского ЦИК и СНК «О правах трудящихся женщин-горянок», ставящее целью окончательное «раскрепощение» женщин-тружениц Дагестана [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 125—127]. Советская власть начала решительную борьбу с калымом как пережитком прошлого. В постановлении, наряду с провозглашением равноправия женщины-горянки, содержатся отдельные пункты касательно семейно-брачных отношений: вводилась уголовная ответственность по факту получения калыма родителями девушки, его взимание в любом размере грозило лишением свободы

сроком до 2 лет, похищение женщин с целью вступления с ними в брак каралось законом в виде лишения свободы сроком до 5 лет [там же, л. 125—126]. Для девушек был определен допустимый брачный возраст — 16 лет, по советским законам за «вступление в брак до указанного возраста или принуждение их со стороны родителей, опекунов или родственников» назначалось наказание в виде лишения свободы сроком от 3 до 5 лет [там же, л. 125].

Согласно данному постановлению, «каждый брак должен был быть зарегистрирован в сельсовете в книге актов гражданского состояния» при обязательном присутствии невесты и с ее согласия на вступление в брак [там же, л. 126]. Кроме того, отдельным пунктом постановления девушке предоставлялась полная свобода в выборе мужа, а «всякое насилие над ее свободной волей» со стороны семьи и родственников каралось законом в виде лишения свободы сроком до 5 лет [там же].

Поскольку метрические свидетельства в те годы еще отсутствовали и браки часто не регистрировались, заключение противозаконных браков очень редко получало огласку. Следовательно, до судебного разбирательства доходили редкие факты брака с лицом, не достигшим брачного возраста. Так, в 1939 г. в лакском селении Шара родителями был скрыт факт выдачи замуж несовершеннолетней девочки за взрослого мужчину, несмотря на ее нежелание. Такие случаи были нередки в селе³.

Положение действующего постановления НКВД республики от 1921 г. «О регистрации браков», которое обязывало брачующихся обязательно до заключения мусульманского брака никях (бракосочетание) регистрировать брак в органах ЗАГС, повсеместно нарушалось муллами, а семья и сама девушка этому не противились [Вагабов, 1973: 34]. Чтобы контролировать соблюдение регистрации брака, специальным декретом Дагревкома кадии зачислялись в штат органов ЗАГС на должность делопроизводителя 1-го разряда [Гусейнов, 2024: 291].

Решительные меры советская власть предпринимала в искоренении многоженства. Несмотря на то что это не было столь распространенным явлением, все же имеющиеся факты рассматривались как порочащие новую советскую семью. В постановлении ЦИК и СНК ДАССР от 1926 г. «О правах трудящихся женщин-горянок» отмечалось, что двоеженство и многоженство на территории советской республики не допускается [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 127]. Наказанию подлежали представители мусульманского духовенства, заключившие браки женатых мужчин [Гусейнов, 2024: 282].

В 1927 г. издается специальный циркуляр НКВД ДАССР, согласно которому многоженство приравнивается к уголовному преступлению и карается по закону. Заметим, что среди мужчин-двоеженцев были и коммунисты. Так, в протоколах заседаний бюро Дагестанского обкома ВКП(б) отмечалось, что «по причине отсутствия систематической борьбы с пережитками среди коммунистов имеются факты многоженства» [ЦГА РД, ф. 1-п, оп. 1, д. 7180, л. 216].

Существенным препятствием в реализации директив советской власти являлись шариатские суды, которые действовали согласно положению Дагестанского ревкома от 1920 г. «О шариатских судах». Органы власти сравнительно

³ Полевой материал О. С. Мутиевой, июнь 2023 г., информатор К. Билалова, 1936 г. р., г. Махачкала.

лояльно относились к шариатскому судопроизводству, в 1923 г. шариатские суды существовали во всех округах. В их ведении находились и бракоразводные дела. Как известно, инициатива развода по нормам шариата принадлежала мужчине, ему достаточно было три раза произнести слово «талак» (развод), и брак расторгался.

Руководствуясь принципами гендерного равенства, 20 сентября 1924 г. ЦИК Дагестана постановил, что все бракоразводные дела могли по усмотрению истца рассматриваться как шариатским, так и народным судом. Специальная инструкция наркома юстиции Дагестана допускала перенос бракоразводных дел из шариатского суда в народный. Воспользовавшись такой возможностью, женщины сами обращались в народные суды с иском о разводе, поскольку по закону согласия мужа не требовалось. В 1925 г. в обзоре отдела работниц и крестьянок при Северо-Кавказском крайкоме ВКП(б) отмечалось, что от женщин в народный суд поступило более 90 исков о разводе [ГА РФ, ф. 3316, оп. 21, д. 899, л. 125—127]. В Дагестане увеличилось число исков в суд от женщин, которые желали расторгнуть брак, заключенный против их воли [Гаджиева, 1967: 39].

Вместе с тем нередко были случаи, когда, несмотря на решение суда, муж не давал женщине развод по нормам шариата. В связи с чем в 1928 г. пленум Главсуда ДАССР издает специальное постановление «Об ответственности за непредоставление горцами своим бывшим женам развода по шариату после расторжения брака в органах загса» [там же: 45].

Судебные дела шли месяцами, сопровождалась бюрократической волокитой, имели место формализм и предвзятость в отношении к женщине. Известен случай, когда работники судебной системы, сославшись на занятость, цинично посоветовали женщине прийти в праздничный день 8 Марта, сказав, что в этот день «точно будет повод рассмотреть» ее дело [Каймаразова, 2022: 67]. Очевидно, что дуализм в бракоразводных делах открывал лазейки для нарушения советского законодательства.

С еще большими трудностями советская власть столкнулась, когда семейные дела стали разбираться только по нормам советского законодательства. В 1931 г. утверждаются циркуляры и инструкции Главсуда ДАССР, согласно которым процедура развода проводилась исключительно органами ЗАГС, женщине-горянке достаточно было подать заявление о расторжении брака, чтобы развод считался легитимным [ЦГА РД, ф. 123-р, оп. 1, д. 30, л. 5]. К советской практике развода семья и общество относились отрицательно и, несмотря на ужесточение ответственности, придерживались шариатских правил. Женщина, получившая развод не по шариату, а только по советским законам, считалась «порочной», а сам развод «большим грехом» [Гаджиева, 1967: 44].

Выводы

За небольшой исторический отрезок времени невозможно переосмысление старых семейных ценностей и признание новых, столь радикальных для традиционного общества. Принимая брачно-семейные законы, советские органы власти не проводили в должной мере работу с мужским населением. Отцы и мужья продолжали решать все вопросы, касающиеся семьи и брака.

Даже если учесть тот факт, что власти использовали на местах все имеющиеся возможности в области проведения организационных и пропагандистских мероприятий для перевоспитания горянок, следует признать: им пришлось столкнуться с рядом трудностей. Грубое внедрение с использованием административного ресурса новых стандартов поведения, кроме негативного восприятия со стороны общества, имело и травмирующий эффект для сознания горянок, которое не было подготовлено к тому, чтобы так быстро изменилось их гендерное положение в семейной и общественной жизни.

Подводя итоги, можно сделать вывод, что женщина в дагестанском обществе, получив юридические права, морально осталась сильно зависимой от традиционных устоев, мнения окружающих.

Недостаточно было провозгласить декреты, важно было преодолеть мужской консерватизм как в семье, так и в обществе. Вместе с тем, несмотря на имеющиеся просчеты и ошибки, советское законодательство в 20—30-х гг. XX в. стало важным фактором улучшения положения женщин национальных республик. Достигнутые относительные успехи давали возможность советской власти говорить о том, что ей удалось повсеместно ликвидировать в женской среде неграмотность, привлечь женщин к активной общественной жизни.

Список источников

- Анчабадзе Ю. Д. Социально-политические трансформации в адыгском ауле 1920-х гг.: гендерный аспект // *Женщина в российском обществе*. 2011. № 3. С. 61—67.
- Вагабов М. Б. Ислам и семья. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1973. 47 с.
- Великий Октябрь и раскрепощение женщин Северного Кавказа и Закавказья (1917—1936 гг.): сборник документов и материалов. М.: Мысль, 1979. 350 с. URL: <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/587881> (дата обращения: 15.02.2025). ГА РФ (Государственный архив Российской Федерации).
- Гаджалова Ф. А., Магомедов А. Д. Формирование нетрадиционных фасонов теплой (плечевой) одежды в Дагестане в первой половине XX в. // *Манускрипт*. 2020. Т. 13, вып. 3. С. 72—76.
- Гаджиева З. Н., Лысенко Ю. М. Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1900—1917 гг. Махачкала: АЛЕФ, 2024. 212 с.
- Гаджиева С. Ш. Семья и семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1967. 404 с.
- Гаджиева С. Ш., Мелешко А. Г. Женщины Советского Дагестана. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1960. 144 с.
- Гасанова А. И. Раскрепощение женщины-горянки в Дагестане (1920—1940 гг.) / *Даг. фил. Акад. наук СССР, Ин-т истории, яз., лит. и искусства им. Г. Цадасы*. Махачкала, 1963. 157 с.
- Гусейнов Ю. М. Адат и шариат в быту у кумыков в XIX—XXI вв. Махачкала: АЛЕФ, 2024. 400 с.
- Женское светское образование в Дербенте. 2021. URL: <https://derbentmuseum.ru/pauchnaya-deyatelnost/> (дата обращения: 15.02.2025).
- Каймаразов Г. Ш. Образование и наука в Дагестане в XX веке. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Каймаразова Л. Г. Социально-культурное развитие Дагестана в 1930-е гг.: гендерный аспект советской модернизации. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 284 с.

- Кафаров Я. М. Охрана прав женщин. Махачкала: Дагкнигоиздат, 1970. 48 с.
- Кумыкова Л. Пальто — горянке // Горянка. 2013. № 42. С. 4—12.
- Мирзабеков М. Я. Гендерный аспект социально-культурного развития Дагестана в 1917—1920-е гг. Махачкала: АЛЕФ, 2022. 260 с.
- Мицюк Н. А., Пушкарева Н. Л., Мухина З. З. «Освобождение женщин» и семейная политика 1918—1920-х гг.: приобретения и издержки // Женщина в российском обществе. 2024. № 1. С. 75—92.
- Мутиева О. С. Повседневность дагестанской женщины: Кавказская война и социокультурные перемены XIX века. М.: Новое лит. обозрение, 2024. 336 с.
- Пушкарева Н. Л. Материнство в новейших философских и социологических концепциях // Этнографическое обозрение. 1999. № 5. С. 47—59.
- Пушкарева Н. Л. Гендерная система в Советской России и судьбы россиянок // Новое литературное обозрение. 2012. Вып. 117. С. 8—24.
- РГАСПИ (Российский государственный архив социально-политической истории).
- Смирнова Я. С. Семья и семейный быт народов Северного Кавказа (вторая половина XIX — XX в.). М.: Наука, 1983. 265 с.
- Текуева М. А. «Решение» женского вопроса в Кабардино-Балкарии (1917—1941 гг.) // Социальная история: ежегодник. СПб.: Алетейя, 2008. С. 303—329.
- Текуева М. А. Эмансипация женщин на Северном Кавказе: трудности перевода с русского на кабардинский // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры: материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ, Гранада, Испания, 18—20 сентября 2015 г.: в 15 т. СПб.: МАПРЯЛ, 2015. Т. 3. С. 149—152.
- Текуева М. А., Гугова М. Х., Нальчикова Е. А., Битокова М. В. Костюмный ренессанс в традиционной культуре кабардинцев как способ этнической самоидентификации // Научная мысль Кавказа. 2022. № 4. С. 129—136.
- ЦГА РД (Центральный государственный архив Республики Дагестан).
- ЦПА ИМЛ (Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС).

References

- Anchabadze, Yu. D. (2011) Sotsial'no-politicheskie transformatsii v adygskom aule 1920-kh gg.: gendernyi aspekt [Socio-political transformations in the Adyghe village of the 1920s: gender aspect], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 3, pp. 61—67.
- Gadzhhalova, F. A., Magomedov, A. D. (2020) Formirovanie netraditsionnykh fasonov teploĭ (plechevoi) odezhdy v Dagestane v pervoi polovine XX v. [Formation of non-traditional styles of warm (shoulder) clothing in Dagestan in the first half of the 20th century], *Manuskript*, vol. 13, iss. 3, pp. 72—76.
- Gadzhieva, S. Sh. (1967) *Sem'ia i semeinyĭ byt narodov Dagestana* [Family and family life of the peoples of Dagestan], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Gadzhieva, S. Sh., Meleshko, A. G. (1960) *Zhenshchiny Sovetskogo Dagestana* [Women of Soviet Dagestan], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Gadzhieva, Z. N., Lysenko, Yu. M. (2024) *Gendernyi aspekt sotsial'no-kul'turnogo razvitiia Dagestana v 1900—1917 gg.* [The gender aspect of socio-cultural development of Dagestan in 1900—1917], Makhachkala: ALEF.
- Gasanova, A. I. (1963) *Raskreposhchenie zhenshchiny-gorianki v Dagestane (1920—1940 gg.)* [Emancipation of the mountain woman in Dagestan (1920—1940)], Dagestanskii filial Akademii nauk SSSR, Institut istorii, iazyka, literatury i iskusstva imeni G. Cadasy, Makhachkala.

- Guseinov, Yu. M. (2024) *Adat i shariat v bytu u kumykov v XIX—XXI vv.* [Adat and Sharia in everyday life of the Kumyks in the 19th—21st centuries], Makhachkala: ALEF.
- Kafarov, Ya. M. (1970) *Okhrana prav zhenshchin* [Protection of women's rights], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Kaimarazov, G. Sh. (2007) *Obrazovanie i nauka v Dagestane v XX veke* [Education and science in Dagestan in the 20th century], Makhachkala: Dagestanskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Kaimarazova, L. G. (2022) *Sotsial'no-kul'turnoe razvitie Dagestana v 1930-e gg.: gendernyi aspekt sovetskoï modernizatsii* [Socio-cultural development of Dagestan in the 1930s: gender aspect of Soviet modernization], Makhachkala: ALEF.
- Kumykova, L. (2013) Pal'to — gorianke [Coat for a mountain woman], *Gorianka*, no. 42, pp. 4—12.
- Mirzabekov, M. Ya. (2022) *Gendernyi aspekt sotsial'no-kul'turnogo razvitiia Dagestana v 1917—1920-e gg.* [The gender aspect of socio-cultural development of Dagestan in 1917—1920s], Makhachkala: ALEF.
- Mitsyuk, N. A., Pushkareva, N. L., Mukhina, Z. Z. (2024) “Osvobozhdenie zhenshchin” i semeïnaia politika 1918—1920-kh gg.: priobretenii i izderzhki [“Women's liberation” and family policy of the 1918—1920s: acquisitions and costs], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 1, pp. 75—92.
- Mutieva, O. S. (2024) *Povsednevnost' dagestanskoï zhenshchiny: Kavkazskaia voïna i sotsiokul'turnye peremeny XIX veka* [Everyday life of a Dagestani woman: The Caucasian war and socio-cultural changes of the 19th century], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
- Pushkareva, N. L. (1999) Materinstvo v noveïshikh filosofskikh i sotsiologicheskikh kontseptsiiakh [Motherhood in the latest philosophical and sociological concepts], *Ètnograficheskoe obozrenie*, no. 5, pp. 47—59.
- Pushkareva, N. L. (2012) Gendernaia sistema v Sovetskoï Rossii i sud'by rossiianok [Gender system in Soviet Russia and the fates of Russian women], *Novoe literaturnoe obozrenie*, iss. 117, pp. 8—24.
- Smirnova, Ya. S. (1983) *Sem'ia i semeïnyi byt narodov Severnogo Kavkaza (vtoraia polovina XIX — XX v.)* [Family and family life of the peoples of the North Caucasus (second half of the 19th — 20th century)], Moscow: Nauka.
- Tekueva, M. A. (2008) “Reshenie” zhenskogo voprosa v Kabardino-Balkarii (1917—1941 gg.) [The “solution” to the women's issue in Kabardino-Balkaria (1917—1941)], in: *Sotsial'naia istoriia: ezhegodnik*, St. Petersburg: Aleteïa, pp. 303—329.
- Tekueva, M. A. (2015) Èmansipatsiia zhenshchin na Severnom Kavkaze: trudnosti perevoda s russkogo na kabardinskii [The emancipation of women in the North Caucasus: the difficulties of translation from Russian into Kabardian], in: Tekueva, M. A. (ed.), *Russkii iazyk i literatura v prostranstve mirovoi kul'tury: Materialy XIII Kongressa MAPRIAL, Granada, Ispaniia, 18—20 sentiabria 2015 goda: in 15 vols*, vol. 3, St. Petersburg: Mezhdunarodnoe nekommercheskoe partnërstvo prepodavatelei russkogo iazyka i literatury, pp. 149—152.
- Tekueva, M. A., Gugova, M. Kh., Nalchikova, E. A., Bitokova, M. V. (2022) Kostiumnyi renessans v traditsionnoi kul'ture kabardintsev kak sposob ètnicheskoi samoidentifikatsii [Costume renaissance in traditional Kabardian culture as a way of ethnic self-identification], *Nauchnaia mysl' Kavkaza*, no. 4, pp. 129—136.
- Vagabov, M. B. (1973) *Islam i sem'ia* [Islam and family], Makhachkala: Dagknigoizdat.
- Velikiï Oktiabr' i raskreposhchenie zhenshchin Severnogo Kavkaza i Zakavkaz'ia (1917—1936 gg.)*: Sbornik dokumentov i materialov (1979) [The Great October and the emancipation of women in the North Caucasus and Transcaucasia (1917—1936):

Collection of documents and materials], Moscow: Mysl', available from <https://docs.historyrussia.org/ru/indexes/values/587881> (accessed 15.02.2025).

Zhenskoe svetskoe obrazovanie v Derbente (2021) [Women's secular education in Derbent], available from <https://derbentmuseum.ru/nauchnaya-deyatelnost/> (accessed 15.02.2025).

Статья поступила в редакцию 03.03.2025; одобрена после рецензирования 17.03.2025; принята к публикации 24.03.2025.

The article was submitted 03.03.2025; approved after reviewing 17.03.2025; accepted for publication 24.03.2025.

Информация об авторах / Information about the authors

Мутиева Оксана Саидовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, mutiewa.oksana@yandex.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Department of National History, Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).

Гарунова Нина Нурмагомедовна — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, Дагестанский государственный университет, г. Махачкала, Республика Дагестан, Россия, garunovanina@mail.ru (Dr. Sc. (History), Associate Professor, Professor at the Department of Russian History, Dagestan State University, Makhachkala, Republic of Dagestan, Russian Federation).